

какъ бы «отходную» надъ умершимъ въ немъ самомъ художникъ:

«Какъ полетѣть воображеніемъ, если бы оно и было, когда разсудокъ на всякомъ шагу задаетъ вопросы: зачѣмъ?... Зачѣмъ случились такія обстоятельства, которыхъ я не призывалъ? Зачѣмъ мнѣ опредѣлено было не иначе пріобрѣсти познаніе души человѣческой, какъ произведя строгій анализъ надъ собственной душой?... Зачѣмъ въиномъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій во мнѣ осталось свойство восхищаться красотой души человѣка вездѣ, гдѣ бы я ее ни встрѣтилъ?... Отвѣтите мнѣ прежде, зачѣмъ все это произошло,—и тогда спрашивайте: зачѣмъ я немогу уже писать того, что писалъ?...» *)

Зачѣмъ же понадобилось ему пріобрѣтать это «познаніе души человѣческой» путемъ познанія своей собственной? Безъ этого, онъ, видите ли, «не можетъ» уже приступить къ дѣлу: онъ хочетъ писать сознательно, не хочетъ оправдывать собою слова, сказанныя про него Бѣлинскимъ. Онъ уже теперь думаетъ иначе: «Нужно,—говоритъ онъ,—чтобы въ созданіи автора жизнь сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ... Писатель творитъ свое твореніе въ поученіе людей... Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣляютъ поэтовъ и писателей эстетики, какъ нынѣшняго времени, такъ и прежнихъ временъ».***) «...Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что покамѣстъ не опредѣляю самому себѣ высокое и низкое, хорошее и дурное природы нашей,—мнѣ нельзя приступить къ дѣлу» (800). Сравните, кстати, эти строки изъ Исповѣди Гоголя со слѣдующими изъ «Исповѣди» гр. Толстого (цитируемъ по Громекъ): «Писательскіе взгляды подъ распущенность моей жизни подставили теорію, которая ее оправдывала:

*) Тамъ же 814.

**) «Авторская исповѣдь», соч., IV томъ, 811—812.